

СИТУАЦИЯ Ц

* * *

Ситуация А. Человек возвратился с попойки
В свой покинутый дом, на простор
незащитенной койки,
Как шахтёрская лампа спускается в
душный забой.
Он подобен корове в канун обяза-
тельной дойки,
Но доярка в запое, и что ему делать
с собой?

Он прикроет окно, где свинцовые
звёзды нависают,
Сигарету зажжёт, бельевую верёвку
намылит
И неловко повиснет, скрипя пото-
лочной скобой.

Ситуация В. Соблюдая отцовский
обычай,
Он пройдёт до конца по тропе орде-
нов и отличий,
Приумножит почёт и пристойный
Достаток в семье.

Но проснётся душа, словно осенью
выводок птичий,
И останется плоть остывать на
садовой скамье.

Он ложится навек под ковёр замер-
зающих пашен,
Погребальный пиджак орденами
богато украсен.
Что он выиграл, бедный, с нетро-
нутой болью в лице?

Ситуация А. Ситуация В. Ситуация
С...

(Алексей Цветков)

Четверть века назад, когда мы
познакомились, Алексей Цветков был
слонившимся двадцатипятилетним
поэтом; а я, недавний школьник,
только начал заниматься литера-
турой. Теперь мы с ним, вопреки
арифметике, ровесники. Но моё ю-
шеское восхищение его талантом не
претерпело изменений, хотя с годами
многие установления и авторитеты
былого, мягко говоря, сдали.

Цветков — уроженец провинции; не
знаю как где, но в России это значи-
мое понятие. Провинциализм, исто-
кованный как личная обида, остав-
лет на потерпевшем пожизненную
печать растиньячества. Но недожи-
ная личность, теперь я о Цветкове,
вольна ощутить провинциальность,
как иносказание о дешёном прозяба-
нии и томлении, как притчу о челове-
ческой неполноценности, и извест-
ный факт биографии в степенях духовной
жажды.

Одна из характеристик таланта
вообще — это как раз обострённое
чувство онтологической ущербности,
жадное и ревнивое, подростковое и
провинциальное отношение к миру.
Сомне it faut Толстого, великосвет-
ская озабоченность Пушкина — того
же происхождения. А "полноценный"
человек, "столичный" человек —
одновременно и уморителен и чудо-
вищен.

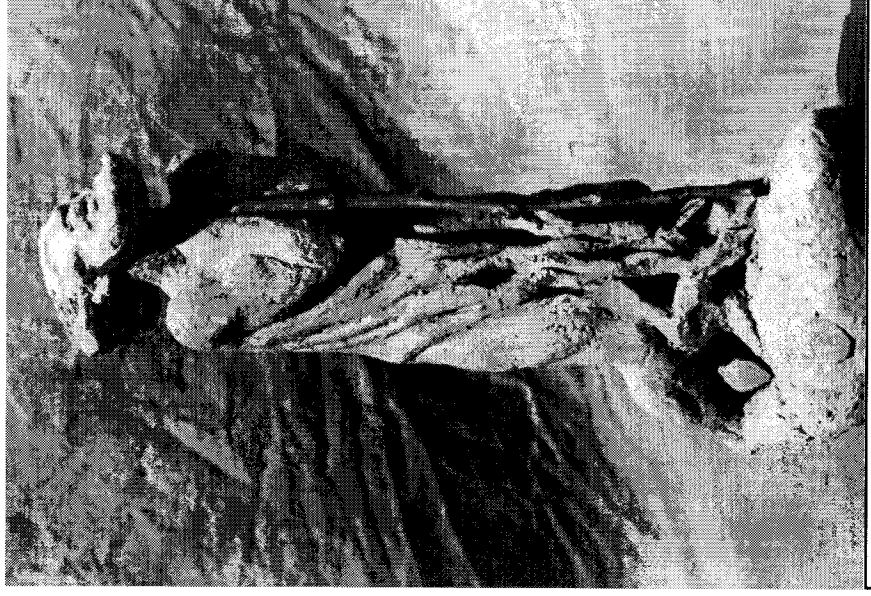
Уже к началу знакомства Цветков
обогнал в учёности друзей, за после-
довавшие годы мы отстали от него
силнее прочих замечательных лю-
дей, с которыми сводили меня обсто-
ятельства — нет; он человек как
человек, хороший человек. Но исклю-
чительную насыщенность и драматизм
цветковской внутренней жизни я
объясняю тем, что он, как и все мы,
грешные, хочет себе нравиться, но —
и в этом его особенность — не может,
если не почувствует за собой всей
правоты. В этом тщетном стремлении
совласть с истиной, не подгоняя её
под себя, — мало смирения, но какой
стимул для развития!

В молодости бездельник и прожиг-
атель жизни, в литературе он всегда
был извергом. На исходе хрущёвской
оттепели бытовую поэтическую воль-
ницу охотно путали с литературными
вольностями от неумения; у Цветкова

была воля — он писал венки сонетов.
Пастернаковское назидание по пово-
ду архивов и рукописей Цветкову неза-
чем принимать к сведению: он — и здесь
я не встречал ему равных — с велико-
лепным равнодушием относится к уже
написанному, более того, на том сто-
ит:

Помнишь, у тебя
(у нас, пожалуй) был такой приём
самоценки: если, перечтя
свои стихи по истеченье года
с момента авторства, находишь их
хотя бы сносными — затей другую
карьеру...

Будто ему жизни немерено, или он
знает за собой способность поражать
ещё и не такие цели. В быту Цветков
скорее буржуа, чем деревниш. Но его
максималистский перенос жизненного

С. Богуславский. "Одиссей на Итаке"

итога за горизонт жизни — вполне
непрактичен и свидетельствует об
уровне притязаний, мало похожем на
обычное честолюбие и, тем более,
тщеславие.

Поэзия, как известно, положено быть
глуповатой. Любить жизнь и не приста-
вать к ней с расспросами. Цветков же
только тем и занимается, что възскает
смысла. И, странное дело, ему это
сходит с рук. Вероятно потому, что
авторский рефлексия, помноженные на
авторский темперамент, изменившие в
природе, превратились в страсть. Вот
какими словами заканчивает он любов-
ное стихотворение:

Я в руки брал то Гуссерля, то Канта,
И пел с листа. И ты была со мной.

Творческий путь Алексея Цветкова
изобилует крутыми поворотами, но
казнь рассудком, горе от ума остаются
неизменными на всех виражах этого
маршрута. Отсюда и пренебрежение к
вдохновению, связанному для него с
помрачением сознания.

Чрезвычайно развитое воображение
позволяет Цветкову не только созда-
вать двухъярусные сравнения, вроде:
"И месяц врезался в неё топором,
Щербатым, как профиль Шопена...", но и

строить целое большое произведение
на развёртывании и реализации мета-
форы. Сюжетом книги "Эдем" послужило
расхожее в СССР образное отожеств-
ление эмиграции со смертью.

Книга оставляет сильное и
гнетущее впечатление. Это
рассказ о рождении двой-
ника поэта, продолжающего
на родине жизнь в сослага-
тельном наклонении. Весь
круг цветковских неотвяз-
ных тем и настроений попал в
фокус его последней поэтической
работы и придал ей сложный пафос
желчности, набожности, гордыни и
презрения и отращения к жизни и
людям. Такой темперамент обра-
щает всю нестраченную приязнь
на тех, кто не замешан во взрос-
лом человеческом бытовании,
иначе говоря, в грехопадении, —
на Бога, детей, животных. Недаром
у Цветкова столько зверья в сти-
хах, а есть и книжка для детей —
"Бестиарий". Недаром евангельс-
кое стихотворение из "Эдема" —
шедевр религиозной лирики.

Мизантропия и сатира, гордыня
и морализаторство — эти этапы
гоголевской духовной эволюции
реальны и для Цветкова, но, по
счастью, он — эстет до мозга кос-
тей и в конце концов почти всегда
берёт сторону искусства.

"Эдем" замечательно задуман и
очень драматичен. Книга даже
драматичнее, чем представляет-
ся, и внимательный читатель
обнаружит в ней не только повесть
о человеческом поражении героя,
но и зловещую и мастерски вос-
созданную агонию русской поэти-
ческой речи. Она на глазах чита-
телей утрачивает привычный
облик, впадая в речеподобную
бессмыслицу, в цитату, в темно-
ту, в неразрешимую витиеватость,
теряет оснастку размера и рифмы
и, наконец, становится речью
английской.

Мучительная языковая метамор-
фоза, точно оборотничество в
фильме ужасов, становится глав-
ным литературным событием
"Эдема". Происходит пережде-
ние клетки стиха — меняется его
фонетика: звонкие и сонорные
вытесняются свистом и стрекотом
глухих и шипящих. Интонация —
всё реже вдох и выдох, всё чаще —
задыхание от негодования. У
стихов садится голос, они пере-
ходят на шепот и умолкают. Герою,
alter ego поэта, исполняется
тридцать семь лет, о чём он со
значением упоминает в одном из
стихотворений. К лирике Цветков
с тех пор не обращается. Он начи-
нает писать поэму в прозе под
названием "Просто голос". Пре-
вращение в "Эдеме" "шума и ярос-
ти" жизни в "визг и скрежет" —
трагично, и шекспировский рык,
на который подчас срывается
автор, не кажется чрезмерным.

Если кому-либо на минуту пока-
жется, что я не превозношу, а
сужу Цветкова, пусть обратит
внимание на то, в ряду каких имён
я поминую его имя.

Есть писательские судьбы впе-
чатляющей многозначительности.
Наблюдателя передёрнет от до-
гадки, какое личное дело литера-
тура, какое предельное... На эту
черту вывел Цветкова его редкий
талант.

Итого возможных претензий к
Цветкову — чтобы он перестал быть
Цветковым. И кем тогда? Ивано-
вым, Петровым, Сидоровым? Вряд
ли он соблазнится. А потом, помя-
нутые поприща по праву рождения
уже в работе.

"Ситуация А, ситуация В,
ситуация С..."

СЕРГЕЙ ГАНДЛЕВСКИЙ